

Анна Йоргенсдоттер
Шоколадный папа

Anna Jörgensdotter
Pappa Pralin

Анна Йоргенсдоттер
Шоколадный папа
роман

Перевод со шведского
Лидии Стародубцевой

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
И75

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Йоргенсдоттер, Анна
И75 Шоколадный папа : роман / Анна Йоргенсдоттер; пер. со шведского
Л. Стародубцевой. — Москва : АСТ: CORPUS, 2013. — 672 с.

ISBN 978-5-17-078142-3

Трагическая и трогательная история юной Андреа, героини романа Анны Йоргенсдоттер, — это история страдания и любви, ревности и надежды. Стремясь найти хрупкое равновесие в своей жизни, героиня, преодолевая себя, свою болезнь и отчаяние, старается стать понятной миру, который ее окружает, и человеку, которого больше всего любит. Но удается ли ей это?

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-078142-3

- © Anna Jörgensdotter 2002 by agreement with Stilton Literary Agency & OKNO Literary Agency, Sweden.
- © Л. Стародубцева, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Часть первая

19

Часть вторая

139

Часть третья

443

*Моим мужчинам.
Спасибо, Моррис!*

Хочешь, чтобы я ответила, зачем.
Думаешь, скажу и причина исчезнет¹.

Уильям Фолкнер. *Шум и ярость*

*I've been looking so long at these pictures of you
That I almost believe they are real*².

РОБЕРТ СМИТ. *Pictures of You*

*Oh no love
You're not alone*³.

ДЭВИД БОУИ. *Rock'n'Roll Suicide*

- 1 Перевод О. Сороки (*здесь и далее прим. переводчика*).
- 2 Я так долго смотрел на портреты твои, что поверил почти: ты жива (*англ.*).
- 3 О нет, любовь, ты не одна (*англ.*).

Маленькая девочка. Она стоит в правом нижнем углу, в меховой шапке и темно-синих брезентовых штанах. На заднем плане — сосновый бор, зима и папа, он тоже темно-синий. Длинный, худой и бородатый. На шее — фотоаппарат, на голове — горшок. Девочка стоит спиной к папе. Его руки плотно прижаты к телу, черные перчатки прилипли к джинсам. Посреди всего — фонарный столб. Девочка вот-вот исчезнет из кадра. Папа примерз намертво.

ГОРОД ДЕТСТВА

(1979)

Это первая сцена? Это начало?

Пение птиц. Весна или лето, сияет солнце.
Светит над маленьким северным городом, над желтым домом у озера, над девочкой на террасе.

— Лувиса, — зовет девочка.

— Я — мама, — отвечает Лувиса из кухни.

— Лувиса, — снова зовет девочка, — где Карл?

— Он — папа.

— Где Карл? — повторяет девочка.

— Карла нет, — вздыхает Лувиса.

“Карл”, — вздыхает Лувиса.

Его нет.

Девочка смотрит на озеро, на лето. Оно сине-зеленое, каким было всегда. Лувиса ставит пластинки со скрипичными концертами. Сестра лежит на животе, расстелив на лужайке клетчатый плед. Заго-

рает, жует жвачку, читает журнал “Старлет”. Если вместо “Супермена” и “Тарзана” — “Старлет”, значит, уже большая. А если вместо “Старлет” — “Новости недели”, а то и “Дамский журнал” или “Фемина”, то совсем-совсем большая. Лувиса читает “Дамский журнал” и “Фемину”, то есть глазаеет на картинки, листает страницы. Девочка прячет комиксы под диван на веранде.

— Лина! — кричит она.

Тишина.

— ЛИНА!

Сестра поднимает голову и недовольно глядит на нее со своего клетчатого пледа на лужайке. На губах розовый пузырь из жвачки.

— Можно взять у тебя “Старлет”?

— Не-а, — отвечает сестра. Говорит, что девочка все равно ничего не поймет. Что девочка слишком маленькая.

Посреди скрипичного концерта — голос Лувисы: она нашла старые фотографии.

— Здесь тебе четыре года, — говорит Лувиса. Они сидят за кухонным столом, прижавшись друг к другу. Лувиса пахнет брусникой. Девочка смотрит на фотографию. Слышны звуки скрипки. “Смычковые”, — произносит сестра с важным видом. Виолончель и скрипка. Вообще-то сестру зовут Лина-Сага, и отзывается она обычно только на полное имя. Лина — это как в “Приключениях Эмиля из Леннеберги”, говорит она. Будто при-

слуга. Но девочке кажется, что Лина-Сага — слишком длинно. И слишком красиво для сестры.

За окном видно озеро. За озером и вокруг озера — город. У окна — Лувиса с дочерьми. Они смотрят фотографии. На переднем плане — девочка, на заднем плане — Карл. У Карла на голове горшок. Лувиса рассказывает, как все над ним смеялись.

— И я смеялась? — сомневается девочка.

— Смеялась, — кивает Лувиса, — все смеялись над папой.

Но девочка на фото даже не улыбается. Вид у нее грустный и даже сердитый.

Эта девочка — Андреа.

ШКОЛЬНЫЙ ПОСЕЛОК

(1997)

— Андреа! — окликает фотограф. — Смотри сюда!

Андреа всегда слушается фотографа. Она обнимает Хельгу, поднимает бокал с вином, улыбается. Она позволяет фотографировать себя, лишь когда ей легко улыбаться. А улыбаться легко, когда много выпьешь.

Андреа пьет много. Хельга — ее лучшая подруга, и всегда была лучшей подругой, хоть и в разных обличьях. Раньше — Хельга-старшая, теперь — Хельга-младшая. Они, одинакового роста, сидят

на полу в комнате Андреа в Школьном поселке: восемнадцать квадратных метров. Пьют красное или белое и болтают о парнях. Хельга говорит обо всех красивых мальчиках в школе. Андреа говорит о Каспере. Она почти всегда говорит о Каспере и этим вечером, наверное, позвонит ему — это уже что-то вроде питейной традиции. Он в семистах километрах отсюда, и, когда говоришь по телефону, это заметно.

Фотограф по имени Юнатан садится рядом с ней. Один из самых красивых мальчиков в школе. Хельга и Андреа беседуют о взаимоотношениях — это, пожалуй, самая сложная тема.

— Я больше не верю в абсолютную честность, — произносит Андреа.

— Да уж, есть вещи, которые ему совершенно не обязательно знать, — отзывается Хельга. — От этого больше вреда, чем пользы.

— Но если представить, что все наоборот? Что если он скрывает не меньше твоего, а то и больше? Приятно разве? — Она подливает себе в бокал.

Хельга пожимает плечами:

— Наверное, так и должно быть. Пусть он тоже что-то скрывает.

Андреа поворачивается к Юнатану, спрашивает, что думает он. Юнатан, как обычно, думает долго. Она вкладывает руку ему в ладонь, и он держит ее необычайно осторожно. Как будто рука Андреа — драгоценный дар, а не просто жалкая часть тела.

— Мне кажется, надо быть максимально откровенной. То есть я думаю, что есть разница между искренней откровенностью и вынужденной. Не надо выставлять напоказ *все*, когда дело касается любви, то есть обоим, надо делиться всем.

— Ну а если я сделала глупость и понимаю, что он уйдет, если узнает?

Андреа смотрит в его большущие глаза, он улыбается:

— Значит, просто не надо делать глупостей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОЛЬНИЦА

(1993)

А может быть, все началось здесь. Первая сцена.

На кровати в одной из комнат большого бетонного здания в Университетском городке лежит Андреа и прислушивается к обеденным звукам. Со звяканьем прибывают контейнеры с калориями, еду доставляют из подвала, с кряхтением и смешками, из лифта на кухню, а там ставят на плитки. Голодные руки помогают носить. Андреа обычно стоит в сторонке, делает вид, будто ей все равно, будто никакой опасности нет, пытается равнодушно улыбаться. Берет свой поднос, на котором уже лежит еда, садится.

И тут откуда ни возмись — Каспер: стоит, ссутулившись, у плиток со скудной пищей. Лицо скрыто длинными, необычайно желтыми волосами. Андреа сидит в маленьком зале рядом с какой-то девицей, еще более стройной, чем она сама, обе ковыряются в тарелках, и Андреа вздыхает,

а Та-что-стройнее смеется и болтает, прячет еду в салфетку и роняет на пол, когда никто не видит. Андреа видит. Но она, пожалуй, и есть никто. Каспер садится за пустой столик.

— Новенький, — шепчет Та-что-стройнее, у которой тарелка уже совсем пустая: вполне можно подумать, что она сознательно идет на поправку. Андреа не отвечает. Одним глазом смотрит на вегетарианское рагу, другим — на новенького. “Его зовут Каспер”, — продолжает рассказывать Очень Стройная Фокусница, потом выходит из-за стола, берет свою чашку кофе и подсаживается к новенькому с улыбкой до ушей и скороговоркой вежливых фраз. Андреа думает о Лувисе. Как она ни цеплялась в детстве за Лувисину юбку, как ни старалась копировать ее движения, искусству общения так и не научилась.

Андреа косится, ковыряется в тарелке, но прятать еду в салфетку не решается. Не умеет колдовать. Улыбаться непринужденно — и то лишь когда внутри вино, а здесь подают только воду и кофе. Без молока! В вине, кстати, полно пухлых ползучих калорий.

Да, вот они сидят там вместе со стройной обладательницей ловких рук, и до Андреа доносится голос Каспера, почти шепот. Может быть, надо поздороваться, сказать “добро пожаловать” — хотя зачем? Анита, добрейшее существо, перехватывает ее взгляд и подходит, гладит по плечу.

— Не хочешь — не ешь больше. Ты и так сегодня умница.

Выбрасывать еду, выбрасывать, выкидывать. С удовольствием! Но “умница”? Она и пожирает, и выплевывает такие слова, она берет чашку, до краев наполненную кофе, — только бы не разлить! — и идет в свою комнату. Дверь закрывается, вздох облегчения. На Каспера она смотреть не стала.

Сидеть в своей комнате со сборниками стихов, эскизами и своими собственными, особенными словами — почти счастье. Иногда они выползают из нее, растут на бумаге. Они — ее собственные. Порой она стоит перед зеркалом — один торс. Крутится и вертится, меряет взглядом ребра, проверяет на ощупь — все так, как ей говорят: еда не впрок, вес не растет. Да, это странно, но факт. Ей сказали, что она сама должна решить, когда вес начнет прибавляться; Андреа этого вовсе не хочет, но говорит, что, наверное, захочет потом. Неизвестно, что будет Потом. Так что она и не врет в общем-то. Сейчас она просто ест то, что ей дают (не так уж это и мало), отдыхает после еды и два раза в день гуляет по полчаса в парке, который окружает это бетонное здание.

Андреа улыбается своему отражению. Грудей нет — прекрасно! Она встает на кровать. Бедер тоже нет — замечательно! Не часто бывает такое чувство. Но сейчас есть.

Андреа знает, что Каспер живет в соседней комнате. Ей неизвестно, почему он оказался здесь. Вот была бы у нее хорошая музыка, чтобы дать ему послушать... Какая-нибудь необычная музыка, чтобы он понял, до чего Андреа особенная.

Итак, добро пожаловать в Сто шестое отделение, Каспер-петрушка! Андреа позирует перед зеркалом, висящим над раковиной у кровати. Выпархивает в коридор — видеоинструкция для Каспера: здесь рядом сидят Депрессивные и смотрят вечерние передачи с перерывами на ужин, разговор с врачом, встречу с куратором, прогулку и *ну-ка-затеем-уборку*. Швабра шмыгает между ногами пациентов и ножками стульев, которые довольно сложно отличить друг от друга, хотя у Маниакалов ноги-пружины и кое-кто из них в ярко-розовом трико изображает инструктора по аэробике прямо перед экраном, где идет “Доктор Куин”, а Депрессивные мрачнеют, но ничего не говорят и просто уходят. Большинство пациентов сидят в курилке — наверное, и ты, Каспер. Есть Финка, которая никого не режет, кроме самой себя; она бегает по коридору и бранится, клянчит еще одну сигаретку, зажигалку, доброе слово. Бояться тут нечего, Каспер, на самом-то деле. Крикунов держат здесь пару ночей, не больше, потом отправляют дальше, ну и вообще можно просто держаться от них в стороне. Господин Гитлер заглядывал недавно, но на этот раз идея у него была попроще: убить

семь миллионов мух. А одна тетка, мирно сидевшая перед телевизором с блаженной улыбочкой, вдруг попыталась задушить Андреа, как только персонал скрылся из поля зрения.

Андреа здесь с сентября, а сейчас уже ноябрь, и если бы не эта чертова еда, можно было бы жить припеваючи. Тут есть Грустная Эйра, она добрая и все время спит. Анита — лучшая из всего персонала, а Морган толстый и веселый. Приходится довольно много говорить: что думаешь, как себя чувствуешь, и какие сны, и про еду, и про таблетки, но это не трудно, если задают вопросы. Анита и Морган — *контактные лица* Андреа. Им она должна сообщать, если ей плохо. Они и сейчас должны понять, что ей, Андреа, плохо, что ей, наверное, нужен внеочередной разговор или, скажем, прогулка в умеренном темпе. “Надеюсь, ты не бегаешь во время прогулок, Андреа?” — “Нет, что вы, ни в коем случае”. И это правда. Она просто очень быстро ходит. У нее прекрасно получается быстро ходить и растягивать рот наподобие улыбки, и еще у нее хорошо выходит *“мне уже намного лучше”*. Андреа должна отдыхать после еды — и она отдыхает, нехотя, потому что иногда, стоит ей лечь на кровать, как жир прямо-таки растекается, свешивается через край, и она чуть ли не падает на пол — тяжелющая! Так что не позвать ей никого, не пожаловаться, и вообще у них скорее всего нет на нее времени. Да и что она скажет? Однажды

она написала записку работнику, который кого-то подменял, когда ни Аниты, ни Моргана не было на месте. Она долго подкрадывалась к нему с жутким сердцебиением, в штанах на подтяжках, вцепившись в своего Лукового Медвежонка, с комком в горле. *“Мне ужасно плохо, мне очень нужно, чтобы меня кто-нибудь обнял”*. Так она написала на бумажке, которую протянула ему с замиранием сердца. В этот момент ей было около трех лет, объясняла потом Эва-Бритт, волшебница-психотерапевт. “Это называется регресс”, — говорила она. А тогда тот работник прочитал, покраснел и удалился со словами: “Наверное, тебе лучше дождаться кого-нибудь из постоянных сотрудников”.

Видеоинструкция для Каспера — столько всего нужно рассказать, но Андреа лежит и стекает с матраса, да никак не стечет. Тащится к выходу.

Каспер выходит на обед в обвисшей серо-коричневой кофте. Весь он какой-то обвисший. Андреа отрезала свою светло-каштановую косу, покрасила волосы в рыжий цвет и больше ни за что не наденет казенную одежду. Ее одежда — бирюзовая, зеленая, желтая, и джинсы ее, недавно еще сидевшие как влитые, теперь приятно полощутся на ветру во время прогулок. Она видит лицо Каспера. Он сидит за одним столом с ней. Сначала он спросил, можно ли присесть, и она кивнула, хотя на самом деле

хотела закричать как чокнутая: “Нет! Ни за что!” Но вот он сидит, у него странные желтые волосы. Андреа звенит бусами, и ей, *кроме всего прочего*, тошно оттого, что теперь надо как-то по-особенному прихорашиваться — потому что *он* здесь.

— Каспер играет на скрипке, — хвастается Жутко Стройная и придвигается к Касперу — или Андреа просто показалось?

— А я пишу стихи, — парирует Андреа, и Каспер переключает внимание на нее. Жутко Стройная тут же тускнеет и исчезает. Андреа не хочется звать ее обратно: Жутко Стройная — одна из тех, кто загоняет страхи в подсознание, не понимая, что может умереть. Андреа, наверное, понимает. “Твое сердце бьется так слабо, что еда для тебя — вопрос жизни и смерти”, — сказала главный врач Биргитта, и тогда Андреа начала есть. “У тебя такой вид, будто ты вот-вот развалишься на части”, — сказала однажды Эйра и заплакала. Каспер говорит мало. Вот теперь, например:

— Как интересно.

И нервно улыбается, и она тоже нервничает, набивает полный рот еды и не знает, как теперь ее глотать.

Андреа на цветастом диване перед телевизором, Каспер проходит мимо, руки в дырявых карманах.

Волосы — желтыми прядями вокруг лица, но Эйра сказала, что Каспер добрый и не такой уж больной. Касперу просто немного грустно. Он усаживается напротив с толстым романом о войне и королях, и сердце Андреа трепещет где-то в горле, телевизор выключен. Она принимает красивую позу. У нее старый журнал пятидесятих годов, в нем стихотворение, которое ей нравится: “Акробаты”. Прочитать бы его Касперу.

— Как твоя книга, хорошая?

— Да.. интересно читать про всякое.. что происходило раньше.. А твоя?

— Это не книга, это журнал, я нашла его в буки.. (только бы не споткнуться!) ни.. стни.. (нет!) стическом (да!) магазине.

— А... Да, букинистические — это здорово.

— Да... Ну да, здорово.

И вот ее отпускают одну в город. Такое позволяют только тем, кому персонал доверяет. Это даже немного почетно: означает улучшение, “здоровую болезнь”. Страшно, но здорово сесть в автобус и ехать все дальше и дальше от бетонного здания. Поначалу чувствуешь себя немного глупо, стоя именно на *этой* остановке, но, может быть, ты навещал кого-нибудь, а то и просто живешь в этом районе. Хотя Андреа кажется, что по ней все видно.

И стоит ей подумать об этом, как становится легко и приятно: это своего рода свобода. Можно огрызаться, ронять деньги, можно сколько угодно ПЯЛИТЬСЯ, потому что ты из **психиатрического отделения**. Можно реветь в голос без носового платка, а можно безо всякой причины разразиться демоническим хохотом.

Она в столовой; уедет после обеда и не вернется до ужина. Ковыряется в тарелке, Каспер сидит за одним столом с ней. Они сидят за одним столом, потому что они почти ровесники и еще потому, что не особо больны. Им не приносят горсть таблеток в красном пластмассовом стаканчике. Они не кричат и не дерутся, не прыгают перед телевизором в гостиной. Они *скромные*. И сидят за одним столом с Эйрой и Жутко Стройной. Жутко Стройная скоро уезжает. Ее пребывание в больнице не дает результата, сотрудники раскусили ее фокусы: еду находили то тут, то там. Она немного погрустила — было видно по глазам, — но потом перестала. Она и чувства свои умеет прятать, не только еду. Улыбается, как обычно, как будто ничего страшного не произошло. Разрезает на кусочки котлету и прячет в салфетку, роняет на пол картошку.

Каспер смотрит на Андреа. Она чувствует это и начинает нервничать. Она уже заметила и даже, наверное, призналась себе в том, что он *ужасно* красив. Кажется, он собирается с духом. У него подергивается веко.

— Слушай... — произносит он, явно обращаясь к ней. Слава богу, сегодня она красиво накрашена ради поездки в город, но не слишком сильно, чтобы не казаться *здоровой*. Однако на губах помада. Красно-коричневая. — Ты ведь едешь в город, так?

— Да-а, — признается она.

— Ты... не могла бы оказать мне одну очень важную услугу?

— Ну конечно! — Она слышит, какая идиотская готовность звучит в ее голосе. Сердце начинает биться быстрее.

— Дело в том, что мне нужна канифоль для смычка...

Каспер объясняет, как добраться до музыкального магазина, в который он обычно ходит — точнее, *ходил*, пока не проглотил кучу таблеток и не попал сюда. Он говорит сбивчиво, заикаясь, с трудом подбирая слова... Это смущает Андреа, она краснеет не меньше, чем он.

После обеда Андреа идет с Каспером к нему в комнату. Точнее, останавливается на пороге и заглядывает внутрь. Он протягивает ей деньги и записку со словом “канифоль” — раньше она ни разу его не слышала. Похоже на “канитель”. Канитель для смычка. Нет, не то.

Сотенная купюра Каспера в ее кошельке. Он сказал, что бывают разные сорта. И чтобы она взяла

что-нибудь среднее. То есть не самую дорогую, но и не самую дешевую.

И вот она в магазине, с красно-коричневой помадой и деньгами Каспера. Вспоминает, как Карл говорил ей, и не раз (интересно, помнит ли он, что уже говорил, — ведь всякий раз он произносит эти слова так, будто думает, что это впервые): “Со стороны никогда не видно, как ты волнуешься. Тебе кажется, что видны дрожащие руки, слышно заикание и всем ясно, в чем дело. Но потом оказывается, что никто ничего не заметил, а иногда даже наоборот — ты произвел впечатление полной уверенности. Со мной такое случалось не раз”.

Андреа это нравится. Ей нравится, что им сняты одни и те же сны — о том, как невозможно подобраться к самому важному, как застывают челюсти.

В музыкальном магазине она вспоминает слова Карла, и они помогают. Они помогают почти всегда. Советы Карла — такие редкие и такие ценные. Как будто “редко” и “ценно” прямо пропорциональны. Так не должно быть. Слова не должны утрачивать ценность оттого, что их произносят часто.

Андреа стоит лицом к лицу с относительно молодым продавцом-мужчиной (она всегда волнуется, оказываясь лицом к лицу с относительно молодыми продавцами-мужчинами). Всю дорогу она училась выговаривать “канифоль”. Чтобы не получилась “канитель”.

— Мне нужна... канифоль.

— Какая ценовая категория вас интересует? Все очень разного качества. Я бы порекомендовал вот эту, за девяносто девять крон. Отличное качество за такие деньги!

Она, конечно, знает... у нее в руке кошелек с сотенной купюрой Каспера, и вдруг она забывает обо всем и говорит:

— Хорошо, я беру.

Канифоль для Каспера лежит в маленьком зеленом пакете. Листок с неровным почерком Каспера Андреа спрятала в свой дневник с лосями на обложке. Стучится в дверь Каспера, сердце колотится, будь оно неладно, он открывает. Она немеет, каменеет... главное — не подать виду.

— Вот. — Она протягивает пакет и одну крону.

У Каспера удивленный вид, и она тут же теряет — что-то не так? Господибожемой, ну скажи, что все нормально! Стоять так близко — и вот его лицо, как говорится, озаряет улыбка, абсолютно естественная. Он заглядывает в пакет.

— Спасибо, огромное спасибо! Ты так меня выручила.

— Да не за что, — отвечает она, — ты только скажи, ну, если тебе понадобится еще что-нибудь из города, если я, ну, если я еще как-нибудь туда поеду.

Нет, такие длинные предложения не для Андреа. У нее в комнате пишущая машинка. На ней предложения выходят лучше. Если бы только Каспер их увидел. Если бы он увидел *те* предложения у нее на устах. Она спешит к своей двери.

— Я еду в город на следующей неделе, — произносит Каспер, — так что если тебе что-нибудь нужно или... — Он перебрасывает монетку из ладони в ладонь. Монетку, которую она держала в руках. — И... может, мы могли бы как-нибудь поехать вместе.

Каспер-дурак! Проклятый чокнутый Каспер! Разве Андреа посмеет? Такое безумие! Он что, не понимает? И как, как *он* может решиться на такое?

Она безудержно улыбается. Внезапное чувство, что она в очень невыгодном положении.

— Конечно, — отвечает она, — посмотрим.

Романы в психиатрическом отделении образца 1993 года запрещены. Каспер и Андреа — соседи, они ждут друг друга за завтраком, она медленно-медленно ест цельнозерновой хлеб: объедает по окружности. Наливает полную чашку кофе, потом еще и еще, и вот наконец копна желтых волос, глаза, все еще туманные от утренних снов. Он тоже раз за разом наливает себе кофе, и они мед-

ленно пьют и осторожно разговаривают. Андреа кажется, что ее слова шлепаются вниз, а не парят в воздухе.

— Сложно определить, — говорит Каспер, — как все эти люди попали сюда... — Он так хорошо говорит! — Но по тебе все видно... — Он слегка краснеет, ему это к лицу. — Глупо сказано, да?

Андреа качает головой: ей нравится, что по ней все видно.

— Почему... — Она откашливается. Такое чувство, что ей приходится до изнеможения бороться за каждый слог. — Почему ты проглотил те таблетки? Если не хочешь, не отвечай.

— Почему же не хочу? — Он улыбается. — Я поступил на медицинский факультет. Начал учиться, пытался заставить себя полюбить учебу, а экзамены все приближались, и я просто не выдержал, я чувствовал себя таким неудачником... — Он отхлебывает кофе. — Я не хотел умирать, я просто хотел исчезнуть, и вот попал сюда. — Он продолжает улыбаться.

— Ужас, — произносит Андреа. Что тут еще скажешь?

— Все не так плохо. Когда делаешь что-нибудь такое идиотское, что-то все-таки меняется, и потом ты уже лучше знаешь, чего ты хочешь, и вообще... — Каспер делает еще глоток кофе, они выпили уже чашек по восемь, наверное. Чашка в его руке дрожит.